

А. П. Купайгородская

ОБЪЕДИНЕНИЕ НАУЧНЫХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПЕТРОГРАДА (1917—1922)

Предметом исследования является объединение ученых, возглавлявших петроградские вузы и научные учреждения и стремившихся в рамках этой организации, ее силами решать насущные проблемы развития науки и образования, осуществлять всевозможную помощь работникам науки в их исследовательской и преподавательской работе, координировать их действия, оказывать необходимую материальную поддержку научным работникам, профессорам и преподавателям высших учебных заведений. Практика создания союзов, обществ, объединений профессионалов для координации исследований, взаимной информации, обсуждения работ была обширной и многообразной; ученые России и других стран имели большой опыт взаимных плодотворных контактов, регулярной переписки и личных деловых и неформальных встреч.

Инициаторы нового объединения имели в виду решать принципиально иную, более широкую задачу: осуществлять практическое руководство содержанием, направлением, характером деятельности научных и учебных учреждений, очевидно намереваясь создать структуру, хотя бы в некоторой степени независимую от официальной бюрократии. Это намерение имело давние истоки в долговременной безуспешной борьбе деятелей науки и высшей школы за автономию высших учебных заведений. Падение самодержавия возродило надежды на осуществление долгожданной автономии, свободы научных исследований, независимого от верховной власти самостоятельного формирования преподавательского состава, правил приема учащихся, внутреннего распорядка, выбора методов и содержания преподавания.

В новой политической реальности, утвердившейся в октябре 1917 г., творческая, научная интеллигенция надеялась получить полную свободу в своих исследованиях и преподавании при необходимой государственной материальной поддержке. Но в то же время власть имущие, т. е. в первую очередь и главным образом руководство коммунистической партии, стремились всецело подчинить себе все политические, экономические, общественные структуры, направлять и контролировать их работу в рамках главенствующей государственной идеологии.

Намерение создать объединение деятелей науки и высшего образования с четко выраженными организаторскими, руководящими функциями особенно стимулировалось определившимся и открыто высказанным еще до Октябрьского восстания отношением руководства большевистской партии к интеллигенции как к отдельному слою, необходимому рабочему классу в его борьбе, но лишь до тех пор, пока он не создаст свою интеллигенцию. В статье «Удержат ли большевики государственную власть» в начале октября 1917 г. В. И. Ленин писал о необходимости сломать сопротивление не только капиталистов, но и верхнего слоя «буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.», заставить их работать «в новых государственных рамках». В связи с этим выдвигалось требование, чтобы рабочие, солдаты, вся беднота начали немедленно обучаться делу государственного управления и, в частности, умению контролировать работу экономистов, инженеров, агрономов.¹ На заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 (17) ноября 1917 г. В. И. Ленин говорил: «Для производства нам очень нужны инженеры... Мы их будем охотно оплачивать. Мы не собираемся лишать их пока привилегированного положения. Всякий, кто хочет работать, нам ценен, но пусть он работает не как начальник, но как равный под контролем рабочих».² Настойчиво и последовательно проводилась мысль о недопущении руководящей роли старой интеллигенции в какой бы то ни было отрасли народного хозяйства и культуры, о необходимости низведения ее до положения работающих в жестко очерченных программных и дисциплинарных рамках рядовых исполнителей, чьи действия и направляются, и постоянно, повседневно контролируются как в общем, так и во всех деталях и подробностях.

Известны неоднократные открыто неприязненные высказывания В. И. Ленина об интеллигенции. В статье «Как организовать соревнование» (конец декабря 1917 г.) он называл «господ буржуазных интеллигентов» сворой лакеев капиталистов.³ После прихода большевиков к власти для укрепления господства одной партии ужесточались и требования, и формулировки. На собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. В. И. Ленин отверг принцип нейтральности в отношениях с непролетарскими элементами, но при этом говорил о необходимости всемерно использовать старую интеллигенцию, не предполагая, однако, когда-либо опираться на нее.⁴

Отношение к интеллигенции характеризовало важнейший элемент социальной политики большевиков — стремление расчленять общество на противостоящие группы, усиливать их антагонизм, опираться на люмпенов, используя и поощряя их примитивные представления о праве и справедливости.

Политически активная научная интеллигенция негативно отнеслась к большевистскому перевороту, отнявшему у нее надежды на утверждение понятных ей форм демократического правления. Это не помешало ее части, воодушевленной перспективами, открывшимися в феврале 1917 г., продолжать в ущерб исследованиям и преподавательским трудам разрабатывать конструктивные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 310—312, 315, 320.

² Там же. Т. 35. С. 63—64.

³ Там же. С. 197—198.

⁴ Там же. Т. 37. С. 221.

программы, предполагающие развитие науки, просвещения, культуры в целом. После Октября заметнее, чем прежде, стало разделение интеллигенции на различные группы, течения: те, кто поверил в прочность и долговечность новой власти, стали преданно служить ей (в первую очередь это была революционно настроенная часть интеллигенции, сознательно связавшая жизнь с деятельностью большевиков задолго до революции). Представители высшего слоя творческой, в основном научной, интеллигенции, составлявшие ядро реформаторов в аппарате Временного правительства, во многом с большевиками несогласные, пытались найти легитимные формы сотрудничества с ними в интересах развития науки и просвещения, обеспечения элементарных условий своей профессиональной деятельности.

Многочисленная группа, не имевшая определенных политических симпатий или не выражавшая их открыто, была озабочена в основном поддержанием своего элементарного существования и сохранила в дальнейшем свое фактически бесправное положение с предельно низким материальным обеспечением.

К октябрю 1917 г. наиболее оформленными организационно были усилия ученых и педагогов высшей школы, осуществлявших разнообразную многолетнюю практику в рамках научных обществ — биологов, медиков, физиков, математиков, историков, филологов и т. п., стремившихся координировать исследования, накопление и популяризацию знаний, регулярно обмениваться информацией.

Вскоре после падения самодержавия в Петрограде было образовано Совещание представителей ученых учреждений и высших учебных заведений. Его возглавил президент Академии наук А. П. Карпинский. Совещание было прообразом Объединенного союза научных учреждений и высших учебных заведений. После октября 1917 г. позиции членов Союза, их отношения к новой власти были далеко не однозначными, не единодушными. Через несколько дней после Октябрьского переворота большинство участников заседания директоров высших учебных заведений Петрограда высказались за непризнание Совета народных комиссаров, было решено ни в какие взаимоотношения с комиссарами не вступать. Но некоторые присутствовавшие на заседании склонялись к осторожной, выжидательной позиции; так, администрация Политехнического института не откликнулась на предложение Академии наук осудить приход к власти большевиков. И в то же время открыто враждебное отношение к новой власти продемонстрировали руководители Института инженеров путей сообщения и Лесного института. Однако всем, не исключая и тех, кто стоял на категорически бескомпромиссной позиции, пришлось считаться с первостепенным важным обстоятельством — проблемой финансирования. Без ее срочного решения вообще всякая деятельность была невозможна. Когда в конце 1917 г. казначей Лесного института не смог получить деньги в банке, так как на чеке не было визы народного комиссара, стало ясно, что прямолинейное сопротивление далее немислимо. Не видя иного выхода, администрация Лесного, еще не решив, признавать советскую власть или нет, обратилась за визой к народному комиссару.

В январе 1918 г. созванное по инициативе президиума Академии наук совещание представителей высших учебных заведений и научных учреждений по-

становило учредить Российский совет ученых учреждений и высших учебных заведений; главной целью провозглашалась защита автономии учреждений, ограждение их от вмешательства центральной власти; необходимое деловое сотрудничество с ней подразумевалось. Вскоре совет Политехнического института постановил войти в деловые отношения с Советом народных комиссаров.⁵ В феврале 1918 г. совещание представителей Академии наук и ректоров высших учебных заведений, обсуждавшее вопрос о «вступлении в деловые отношения с властью, распоряжающейся финансами государства», признало невозможным избегать «таковых сношений». Финансовое обеспечение было в основе действий местного органа власти — Петроградской трудовой коммуны, обратившейся 22 апреля 1918 г. с ходатайством в СНК о передаче в ее ведение высших и средних учебных заведений, находящихся в Петрограде; особо подчеркивалось, что руководству Петроградской трудовой коммуны должны быть переданы кредиты и ассигнования на эти учреждения,

Тем временем попытки создания объединенных организационных структур предпринимались в разных подразделениях научных и учебных учреждений. В октябре 1918 г. президент Академии наук сообщил общему собранию, что к нему обратился ректор Петроградского университета с предложением вступить в Совет высших учебных заведений университетского типа, который образуется параллельно уже существующему Совету высших специальных учебных заведений. Общее собрание академии постановило принять предложение («теперь же, ввиду срочности дела»); было решено известить ректора, что представлять академию на совещании будут академики А. А. Шахматов, В. А. Стеклов, М. А. Дьяконов. Вместе с тем предлагалось принять меры к объединению трех советов: 1) ученых учреждений; 2) высших учебных заведений; 3) специальных высших учебных заведений, и организации таким образом общего совета.⁶

В конце 1918 г. исполнительный орган Объединенного союза научных учреждений и высших учебных заведений — Совет — был официально признан научным отделом комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области как консультативный орган.⁷ Очевидно, в тот момент еще намечалась, была реальна перспектива дружественной работы местных органов власти и объединения ученых. Казалось вполне возможным развитие и углубление этой совместной работы в интересах обеих сторон, расширение сферы разнообразных контактов. Видимо, тогда нельзя было не считаться с инициативным органом, в правление которого вошли крупнейшие Северные ученые, широко известные в России и за рубежом не только специалистам, но и широкому кругу образованной публики: президент Академии наук А. П. Карпинский, непререкаемый секретарь АН С. Ф. Ольденбург, вице-президент АН В. А. Стеклов, профессора А. Е. Ферсман и В. М. Шимкевич, президент Военно-медицинской академии В. Н. Тонков, президент Географического общества Ю. М. Шокальский и др.⁸

⁵ ЦГАСПб. Ф. 3121. Оп. 3. Д. 48. Л. 5.

⁶ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 155. Оп. 3. Д. 63. Л. 65.

⁷ Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6—8. С. 15—16; Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сб. документов. Л., 1968. С. 29—31.

⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.

Первый пункт устава Объединенного совета провозглашал как принципиальную установку обеспечение развития науки, искусства и высшего образования России. В качестве общих задач Совета были указаны: объединение научных обществ, учреждений и высших учебных заведений в целях развития науки, искусств и научного знания и образования; содействие научным учреждениям и высшим учебным заведениям в предоставлении средств, нужных для их правильной деятельности и выполнения научных работ; содействие учреждению научно-исследовательских и учебных институтов, центральных и местных музеев; организация и согласование деятельности совместных научных предприятий; подготовка научных деятелей, помощь отдельным исследователям. Особо следует отметить зафиксированное в уставе намерение «содействовать сближению высшей школы и научных учреждений с задачами и потребностями государства». В Объединенный совет предполагалось принимать как государственные, так и частные научные учреждения, высшие учебные заведения и ученые общества, объединять их в секции: а) научных учреждений; б) высших учебных заведений университетского типа; в) специальных высших учебных заведений.

Учреждениям и обществам, занимающимся однородными с провозглашенными Объединенным советом проблемами, предлагалось группироваться по специальностям и по территориям, образовывать свои советы и посылать в Объединенный совет своих представителей. Отдельный пункт устава декларировал намерение Совета распространить свою деятельность на всю Россию — «по мере возможности». Рабочим органом Совета стал Комитет, состоящий из представителей учреждений, входящих в Совет; одна из важнейших функций Комитета — созыв съездов деятелей науки, искусства и высшей школы. Комитет должен был избирать из своих членов исполнительный орган Совета — Правление (сроком на один год); в функции Правления входила организация конкретной помощи отдельным учреждениям, обществам и объединениям; оно должно было давать заключения «по предположениям правительства, касающимся научных учреждений и высшей школы в России». Финансовое содержание Совета складывалось из взносов входящих в него учреждений, общественных организаций, пожертвований и «других поступлений», а также «ассигнований от казны».⁹ Правление располагалось на территории Академии наук.

В 1919—1921 гг. Объединенный совет занимался созданием всероссийского объединения деятелей науки и просвещения, предпринимал активные попытки наладить контакты с учеными и педагогами в других городах, стремясь сплотить разрозненную в условиях войны и разрухи интеллигенцию, спасти ее от деградации, оказать по мере возможности материальную и духовную поддержку. Эта работа (в основном, в форме переписки) велась широко и открыто.¹¹

Одной из главных задач в сложившейся обстановке было спасение работников от вымирания и крайнего истощения. Академик С. Ф. Ольденбург в пись-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 155. Оп. 3. Д. 63. Л. 65—66 об.

² *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917—1927 гг.). М., 1980. С. 210—211.

менном обращении 24 апреля 1919 г. озабоченно изложил правлению Объединенного совета свое мнение о положении ученых. Он напомнил, что минувший год унес «десятки человек из небольшого числа работников науки в Петрограде, являющемся главным научным центром страны», поэтому необходимо «принять срочные и действенные меры, дабы не вымерли окончательно научные работники России». Он предложил, чтобы Совет просил Наркомпрос образовать комиссию из компетентных медиков для освидетельствования всех ученых Петрограда и выяснения, «кто из них наиболее слаб и нуждается настоятельно в улучшении условий питания и вообще физической стороны жизни», и наиболее истощенным обеспечить условия для поправки здоровья. С. Ф. Ольденбург предложил просить Народный комиссариат просвещения «об устройстве для них в подходящей местности общежития вроде санатория», позаботиться об устройстве их на следующую зиму в других «университетских городах, с лучшим климатом и питанием, дабы они могли там жить и работать научно, читая при этом лекции». С. Ф. Ольденбург подумал и о петроградском жилье отъезжающих: он предусмотрительно напоминал о необходимости «обеспечить их квартиры здесь от разгрома...». Очевидно, имелась в виду опасность, исходившая не только от разгула преступных элементов, но и от произвола местных властей, воодушевленных исходящими сверху рекомендациями реализовать «социальную справедливость», в том числе и за счет «роскошно» живущих профессоров. Свое предложение С. Ф. Ольденбург считал срочным и предлагал обсудить его на правлении незамедлительно.¹¹

Бесконфликтный период сосуществования объединения ученых и легализовавшего его местного органа власти был кратким. Стремление Совета к относительной самостоятельности и независимости в решении своих насущных проблем не могли быть долго терпимы в условиях стремления государственных органов (под эгидой партии большевиков) укреплять свое неограниченное влияние на все сферы общественной деятельности. Что касается высших учебных заведений, интересы которых намеревался представлять и защищать Совет, то в соответствии с постановлениями Наркомпроса (апрель 1919 г.) общий контроль над ними поручался местным отделам народного образования, за исключением Москвы и Петрограда, «вузы которых находятся под непосредственным наблюдением Народного комиссариата просвещения».¹²

Ослаблению позиций Совета, пресечению его намерений играть роль авторитетного организующего органа должны были содействовать отмеченные еще в 1919 г. попытки официальных кругов квалифицировать Совет как сугубо профессиональное объединение интеллигенции. На 2-м Всероссийском совещании коммунистов — работников просвещения (июль 1919 г.) было заявлено о необходимости создания профессиональной организации интеллигенции исключительно под руководством пролетариата, так как «...только тогда она может построиться в полезную вспомогательную армию пролетариата на весь период его диктатуры».¹³ Постановление, принятое научной секцией Наркомпроса, отражало стремление ввести работу высшей школы в жесткие рамки, не

¹¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 97. Л. 22—22 об.

¹² Народное просвещение. 1919. № 34—36.

¹³ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 1. Д. 23. Л. 10—10 об.

оставлявшие места деятельности даже относительно независимых организаций, подобных Совету. В постановлении признавалось необходимым: проведение ревизии деятельности высших учебных заведений и научных учреждений, «обновление профессорского персонала» вузов, назначение комиссаров в высшие учебные заведения и специальные институты, «где встречалась в этом необходимость», «радикальное изменение плана преподавания в университетах», введение в советы высших учебных заведений представителей пролетарских организаций.¹⁴

Наступление на позиции Объединенного совета происходило постепенно. Основным или даже единственным аргументом для его ликвидации было безоговорочное отнесение его к сугубо профессиональным объединениям, т. е. Совету приписывалось намерение создать структуру, альтернативную той, что существовала под покровительством партии большевиков и считалась единственно допустимой в советском государстве. Следующей заметной акцией было требование Петроградского губернского отдела союза работников просвещения и социалистической культуры о закрытии Совета, обращенное к центральному руководству профессиональных союзов (июль 1920 г.). Подчеркнув, что профсоюзы являются основой пролетарского государства, руководители Петроградского отдела союза работников просвещения указали на то, что Совет, по их мнению, является профессиональным объединением, а параллельное существование двух таких союзов (для научных работников и других работников просвещения, в основном учителей) недопустимо. О смысле и направленности этой инициативы определенно свидетельствует высказанное одновременно предложение о закрытии Комиссии по улучшению быта ученых, с тем чтобы функции и Совета, и Комиссии сосредоточить в Союзе работников просвещения, организовав там соответствующую секцию.¹⁵

Ситуация стала предельно ясной, и руководство Совета, по-видимому, ее вполне осознавало и каких-либо иллюзий относительно перспектив своей дальнейшей деятельности не питало. Тем не менее были попытки использовать хотя бы ничтожные шансы сохранить возможности для легальной работы в любой форме. Поэтому незамедлительно (даже, можно сказать, поспешно — срочной телеграммой) президиум Объединенного совета сообщил ЦК Всероссийского союза работников просвещения, что «...петроградская профессура приняла условия образования секции при ЦК» и предложил свой список членов оргбюро секции: С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов — от Академии наук, А. А. Иванов — от университета, А. Л. Апатов — от Главной физической обсерватории, П. С. Осадчий — от Электротехнического института, В. П. Полетика — от Географического института, Н. С. Тимашев — от Политехнического института, В. К. Правдик — от Технологического института, В. Н. Тонков — от Военно-медицинской академии, А. Е. Ферсман — от Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Российской академии наук и от Геолого-минералогического музея.¹⁶

¹⁴ Народное просвещение. 1919. №26—28.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 2. Д. 15. Л. 79.

¹⁶ Там же. Л. 81.

Ученые сознательно шли на компромисс, рассчитывая продолжить деятельность Совета невзирая на неблагоприятную и все более ухудшающуюся ситуацию для продолжения его работы. В анкете, заполненной 17 марта 1921 г. для справочника «Наука в России», указывалось, что «Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений» зарегистрирован в Наркомпросе, его председателем является академик А. П. Карпинский. Относительно бюджета Совета было сказано, что он образуется из процентных отчислений от окладов квалифицированных научных работников.¹⁷ Нельзя не отметить, что этот пункт разительно отличался от соответствующего раздела устава Совета, принятого при его организации: тогда предполагалось, что в его финансировании будет принимать участие и государственная казна. Теперь же на это рассчитывать не приходилось, как, впрочем, и на саму реальную возможность дальнейшей деятельности Совета. Вскоре, 23 апреля, Пленум ЦК Всероссийского профсоюза работников просвещения (Всеработпрос) утвердил Положение о секции научных работников (на это вынужденно согласился Объединенный совет), где после обширной преамбулы, трактующей целесообразность создания секции для постановки научной работы «в соответствии с требованиями современной жизни», предусмотрительно и аккуратно перечислялась запрещенная для нее деятельность: она не должна иметь собственной кассы (повидимому, даже образованной из добровольных взносов научных работников), она также лишалась «права на самостоятельное всесоюзное представительство».¹⁸ Очевидно, имелись в виду планы Совета вести конструктивную работу в масштабе всей страны.

Сложившаяся ситуация была понятна, но организаторы объединения ученых, видимо, все еще надеялись на благотворные перемены к лучшему, на реализацию своих стремлений к ведению самостоятельной не только исследовательской и преподавательской, но и научно-организационной работы. Однако оснований для таких надежд оставалось все меньше.

В конце 1920 г. началась интенсивная реализация политики в отношении научной интеллигенции, сформулированной председателем Совнаркома на совещании коммунистов — работников Наркомпроса. Как вспоминал присутствовавший на совещании М. Н. Покровский, было сказано о необходимости ограничить деятельность преподавателей высшей школы твердыми программами, потребовать от них знания марксистской литературы и успешной сдачи соответствующего экзамена, в противном случае надлежало лишать их права преподавания.¹⁹ Эта установка, оглашенная на исходе Гражданской войны, стала одним из элементов усиленной идеологизации всех сфер общественной жизни, особенно ужесточившейся с введением новой экономической политики (НЭП). Формально ее реализация началась после подписания В. И. Лениным 19 ноября 1920 г. «Постановления о создании комиссии для коренного пересмотра учебных планов и методов преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР».²⁰ 3 декабря «Постановление» было опубликовано-

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 155. Оп. 3. Д. 63. Л. 62—63.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 3. Д. 122. Л. 1 Об.

¹⁹ *Покровский М. Н.* Воспоминания о Ленине. М., 1933. С. 21.

²⁰ Декреты советской власти. М., 1983. Т. XI. С. 243—244.

но в «Известиях», а через десять дней — в газете «Коммунистический труд» напечатан подробный комментарий в форме обращения «К народам России», подписанного членами назначенной «Постановлением» комиссии. В обращении провозглашалось распространение диктатуры пролетариата не только на область политики и экономики, но и на сферу «научного преподавания и изучения».²¹ Организаторы Совета, возможно, все же надеялись, что принятая коммунистическим руководством страны идеология не отменяет окончательно возможности диалога с властью, т. е. попыток защиты автономного научного творчества. Такие надежды поддерживались тем, что в тот период коммунистическая пресса печатала материалы не только нападавших на интеллигенцию, но и ее защитников. Авторы этих публикаций говорили на разных языках, но и те и другие, очевидно, рассчитывали на поддержку общественности. В январе 1921 г. С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, В. Н. Тонков были приняты председателем Совнаркома (в присутствии М. Горького и представителей Наркомпроса) и получили заверения о всевозможной поддержке научно-исследовательской работы.²²

Органами исполнительной власти эти заверения были приняты в первую очередь (а может быть, и единственно) как обещания улучшить продовольственное снабжение ученых: именно эту проблему принялся немедленно рассматривать Совнарком. И тогда, и впоследствии элементарное материальное обеспечение ученых называлось в качестве главного тезиса заботы власти о развитии науки и образования.²³ Между тем специалисты в различных областях науки, говоря о первостепенных проблемах своего существования и профессиональной деятельности, не считали приоритетным получение еды, топлива и одежды. В «Записке» совещания профессоров и преподавателей Петроградского университета (25 мая 1921 г.), адресованной заместителю председателя СНК Н. П. Горбунову (с целью ознакомить с нею В. И. Ленина), говорилось не только о смертности, заболеваемости, хищении имущества ученых, но и о «нравственном, психологическом климате»: «необеспеченности личности», «атмосфере вечной тревоги и опасения, что делает серьезный умственный труд невозможным»; утверждалось, что эта ситуация, губительная для ученых, невыгодна для власти.²⁴ Однако нарком А. В. Луначарский, от которого в немалой степени зависела судьба науки и просвещения, счел возможным заявить 10-му Всероссийскому съезду Советов (декабрь 1922 г.), что по мере того, как профессоров «кормят, проходит их недоброжелательство».²⁵

²¹ Коммунистический труд. 1920. 14 дек.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 576; Ленин и Академия наук: Сб. документов. М., 1969. С. 100; Ольденбург С. Ф. Две встречи // За социалистическую науку. 1934. 20 янв.

²³ С. А. Федюкин отметил типичную для советской историографии упрощенную характеристику факторов, определявших профессиональную деятельность интеллигенции, а также пренебрежение мотивами морального порядка и давними демократическими традициями: Федюкин С. А. Некоторые аспекты истории советской интеллигенции // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 18; Октябрь и интеллигенция: некоторые методологические аспекты проблемы // Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985. С. 20—33.

²⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1044. Л. 128—131.

²⁵ Красная газета. 1922. 25 дек.

Процесс создания условий, неблагоприятных для независимого объединения ученых, стимулировался не только публичными высказываниями большевистских лидеров, действиями органов власти и подчиненных большевистскому руководству общественных организаций. Существенное значение для формирования негативного массового отношения к научным работникам как к представителям дореволюционной аристократической элиты имели и высказывания некоторых представителей научного сообщества, демонстративно и громко заявлявших о своей безоговорочной поддержке советской власти и, соответственно, об осуждении образа жизни и поведения своих коллег. В 1918—1920 гг. в центральном органе большевиков — газете «Правда» — неоднократно помещались материалы о «роскошной» жизни профессоров, необходимости «уплотнить» их квартиры, сокращать использование специалистов «из чуждой среды» и т. п. Интеллигенты назывались противниками советской власти, потому что выступали против милитаризации труда и трудовой повинности.

Впечатляющая акция, направленная против интеллигенции, в первую очередь — против научных работников, была организована газетой «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» в конце мая 1920 г. В пространной статье, подписанной псевдонимом «Чужой» и помещенной в дискуссионном порядке, не содержащей никаких конкретных фактов и имен, вся профессура квалифицировалась как ловкая и наглая каста, сосредоточенная исключительно на добывании пайков, занимающаяся под видом научных исследований пустяками и мелочами, «комариными» диссертациями. Не лучше было и студенчество, по утверждению «Чужого»: все поголовно — «шкурники и лодыри». О том, что акция инициировалась коммунистическим руководством, свидетельствует помещенное в газете приглашение председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева «заинтересованным лицам» писать статьи на данную тематику. В последующих номерах газеты печатались статьи единомышленников «Чужого», даже превосходившие его озлобленностью и раздражением, призывавшие очистить высшую школу от паразитов, «разрушить все и начать с начала». Им возражали в деловом, спокойном тоне, не опускаясь до развязной бранной лексики «Чужого», видные ученые и педагоги; они писали об интеллигентах-тружениках, об усердных студентах, о неблагоприятных условиях их жизни и учебы. Известный хирург профессор В. А. Оппель попытался доходчиво объяснить широкой публике суть и характер работы ученого-исследователя, обстоятельно изучающего факты, которые лишь непосвященному, невежде могут показаться ничего не стоящими пустяками. Член комиссии по реформе высшей школы А. П. Пинкевич написал о тяжелом положении вузов, о труде интеллигенции и учебных занятиях студентов и подчеркнул, что «отдельные меры, проведенные правительством, скорее стремились разрушить что-то старое, а новое не было создано».²⁶

В сентябре 1920 г. был раскрыт псевдоним «Чужого». Под ним несколько месяцев прятался историк М. К. Лемке, автор работ по истории общественной мысли и революционного движения. Не стыдясь своей скандальной известнос-

²⁶ Известия Петроградского совета. 1920. 15 июня.

ти, он назвал свои провокационные статьи лучшим из того, что он сделал за 25 лет своей работы.

В июне 1920 г., когда общественность Петрограда возбужденно (часть — встревоженно и возмущенно, другая — сочувственно и восхищенно) переживала скандальные публикации «Известий Петроградского совета», на диспутах в митинговом зале Дворца труда обсуждались проблемы жизни и работы интеллигенции, реформы высшей школы. Выступали и руководители советских и коммунистических организаций, и представители власти научных и учебных учреждений. Ректор Горного института Д. И. Мушкетов призывал к осмотрительности при проведении реформы высшей школы, т. е., очевидно, призывал власть не принимать необдуманных решений. Профессор Л. П. Карсавин заявлял, что наука, безусловно, должна быть вне политики, и резко осудил власть за ее, как он выразился, «неуважение к науке». О необходимости свободы научного творчества и преподавания говорил социолог П. А. Сорокин. Ответом профессорам стало выступление работника Наркомпроса Е. Энгеля, подтвердившего неизменность взятого курса при проведении реформ: строгий контроль за деятельностью подведомственных учреждений, в том числе за формированием их кадрового состава.

Проходивший в последних числах июня 1920 г. в Петрограде второй диспут о судьбе высшей школы собрал большое количество желающих высказаться по столь актуальным проблемам. В их числе — известные историки, социологи, экономисты (Б. Д. Бруцкус, И. М. Гревс, П. А. Сорокин и др.). Они настойчиво требовали «защитить науку от посягательств невежественной власти», говорили о невозможности делить науку по политическим признакам — на буржуазную и социалистическую, в то же время выступали против утилитаризма, за повышение теоретического уровня исследований. Выступал и М. К. Лемке, еще не раскрывший к тому моменту свой псевдоним — «Чужой»; он критиковал высшую школу за отрыв от жизни и ее запросов, однако перед лицом коллег он делал это в иной, более сдержанной тональности, чем в своих печатных опусах. На другой день после диспута в «Известиях Петроградского совета» была помещена статья с категорической характеристикой профессуры как контрреволюционной и бесконечно далекой от позиций сознательной аполитичности.

Очевидно, что в этой атмосфере возможности для свободных научных исследований и публикаций, независимых от идеологических государственных установок, продолжали сужаться. Тревогу по этому поводу выражал Московский союз научных деятелей в опубликованном весной 1921 г. обращении «Грозная опасность русской науке».²⁷ В нем говорилось об угрозе самым насущным интересам науки именно теперь, когда «более чем когда-либо Россия нуждается во всех видах научного свободного творчества». Авторы воззвания протестовали против «железных тисков» «единой формы», «чисто рецептурной выучки», которая может создать лишь «чахлых кастратов мысли», требовали «свободы преподавания и свободы творчества», без которых деятельность ученого теряет всякий смысл.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 3. Д. 124. Л. 2—2 об.

Опубликование вскоре «Положения о секции научных работников Всероссийского союза работников просвещения», лишившее секцию возможности инициативной деятельности, если и было простым совпадением во времени, то знаменательным. И уж совсем не совпадением, а прямым следствием публикации обращения московских ученых было принятое 8 апреля 1921 г. решение Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости запрещения Московского союза научных деятелей и последовавшее вскоре совместное постановление ВЦСПС и Наркомпроса о его закрытии: эта организация квалифицировалась как анти-советская.²⁸ Ему ставилась в вину работа, параллельная официально разрешенным («советским») профсоюзам.

Запрещение Московского союза научных деятелей было частью планомерной кампании, направленной против стропивой профессуры. Следующим эпизодом стала Всероссийская конференция высших учебных заведений, проходившая в Москве летом 1921 г. Нарком А. В. Луначарский заявил о намерении «столкнуться» с теми, кто ведет работу в высшей школе, «со всеми элементами, вплоть до правых», при этом имея в виду, что «она должна быть постепенно орабочена», и в ней нельзя «допустить контрреволюционной пропаганды», а в общественных науках должен звучать «голос марксистской науки».²⁹ Профессуре было адресовано категорическое заявление наркома: «...нельзя допустить, чтобы высшая школа, важнейший орган, сама регулировала свою жизнь», она должна быть открыта правительству и введена в общую систему советского управления. Большинство присутствовавших (из 296 делегатов 165 были коммунистами) поддержало наркома, а несогласные с ним профессора заявили, что состав конференции и ее решения не отражают истинной расстановки сил в высшей школе. Один из присутствовавших на конференции (очевидно, сторонник большинства) впоследствии возмущался тем, что «Объединенный совет, который распоряжался всей внутренней жизнью вузов, в своей враждебности к советскому строю дошел до того, что совершенно открыто... предложил правительству выпустить ученых за границу», объясняя это тем, что их положение в России совершенно невыносимо».³⁰

В это время продолжали сгущаться тучи и над Объединенным советом научных учреждений и высших учебных заведений в Петрограде: об этом свидетельствует протокол заседания Временного центрального бюро секции научных работников Всероссийского союза работников просвещения 5 июля 1921 г. Заслушав выступление М. Н. Покровского, присутствовавшие постановили, что «учреждение научных ассоциаций (обществ), организуемых по принципу научных специальностей, считать возможным только лишь при Наркомпросе... Контроль над возникающими научными обществами надлежит передать секции научных работников».³¹

Пленум ЦК РКП(б), санкционировавший закрытие Московского союза научных деятелей, одновременно осудил позицию Петроградского городского совета, который, по мнению ЦК, не препятствовал деятельности отстаивавших

²⁸ Работник просвещения. 1921. № 6. С. 29.

²⁹ Народное просвещение. 1921. № 82. С. 7—9.

³⁰ Студенческая правда. 1928. 15 марта.

³¹ ГАРФ. Ф. 5462. Оп. 3. Д. 127. Л. 3.

свою профессиональную независимость ученых, и фактически пленум требовал положить ей конец.³² Но выполнить такое требование немедленно было затруднительно: в Объединенный совет входили крупнейшие ученые, широко известные в научном мире многих стран; Совет в этом смысле был гораздо авторитетнее московского союза; еще не была забыта встреча руководителей Совета с В. И. Лениным, обещавшим им свою поддержку. К нему как к председателю Совнаркома обратилось 23 июня 1921 г. руководство Совета, напоминая, что организация не преследует узкопрофессиональные цели, т. е. не является конкурентом официальному профессиональному объединению, что Совет создан для развития «наук, искусств, научного знания и образования», что ставшее известным в Петрограде намерение Наркомпроса закрыть Объединенный совет «нанесет непоправимый вред деятельности петроградских научных учреждений и высших учебных заведений и может создать повод для выступления деятелей науки и высшей школы Петрограда в защиту существующего объединения...».³³

Реакцией на обращение петроградских ученых (фактически — просьбу о защите!) был запрос В. И. Ленина, направленный в Наркомпрос. Отвечая на него, заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский энергично поддержал противников Совета в их стремлении его распустить. По выражению М. Н. Покровского, Совет игнорирует советскую власть, государственные учреждения и стремится уйти от их контроля.³⁴ Нарком просвещения А. В. Луначарский был с ним согласен, но в отличие от М. Н. Покровского не считал Совет просто профессиональным объединением, а потому не видел в данный момент юридических оснований для его запрещения. Но главное, нарком не хотел открыто конфликтовать с Советом, хотя и считал его цитаделью правой профессуры, об этом свидетельствует пометка Луначарского на ответе М. Н. Покровского В. И. Ленину.³⁵

Активным сторонником жесткой тактики в отношении Объединенного совета и, в конечном счете, его запрещения, было руководство петроградской партийной организации и городского отдела народного образования. Заведующий отделом Н. Кузьмин в письме, зарегистрированном в СНК 2 июля 1921 г., т. е., весьма вероятно, отражавшем реакцию петроградских властей на обращение Совета в СНК 23 июня, характеризовал Совет как объединение, преследующее в первую очередь чисто политические цели, препятствующее расслоению профессуры, втягиванию части ее в «общероссийскую организацию работников просвещения, где она растворится в общей массе». Н. Кузьмин докладывал Совнаркому, что «...часть профессуры... в Питере удалось расколоть», но «наиболее реакционные деятели отстаивают всеми мерами существование... Объединенного совета». Одним из таких учреждений, где работают «реакционные деятели», была названа возглавляемая В. Н. Тонковым Военно-медицинская академия, с ее помощью они надеются «...повести борьбу за автономию, которую сейчас мы должны уничтожить». Профессор В. Н. Тонков

³² Работник просвещения. 1921. №6. С. 29.

³³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1025. Л. 26.

³⁴ В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 291.

³⁵ Там же.

был назван не напрасно: именно его подпись стояла первой под обращением в СНК от 23 июня. Письмо Н. Кузьмина явно обнаруживало сложности прямого наступления на Объединенный совет, трудные поиски повода для решительной атаки, ибо его организаторы умеют «...не саботируя, саботировать и, как будто бы не занимаясь политикой, вести даже не кадетскую, а близкую к черносотенной политику».³⁶

Высказывания Н. Кузьмина о необходимости расслоения интеллигенции, изоляции, по его выражению, «узко кастовой группы» профессуры и недопустимости автономии высшей школы были вполне в духе циркулярного письма ЦК РКП(б), разосланного в конце июля 1921 г. В нем предписывалось быть особенно строгими к выходцам из буржуазной интеллигенции и полуинтеллигенции, беспощадно освобождать от них партию.³⁷ А в реальности это оборачивалось лишением не только членства в партии, но работы, средств к существованию специалистов, воспитанных при старом режиме. Зачастую они же первыми становились жертвами поспешно сфабрикованных дел о заговорах против власти, унесших множество жизней. Сознательно и целенаправленно создаваемая атмосфера недоброжелательного и недоверчивого отношения к интеллигенции определяла и облегчала проведение репрессивных акций против видных ее представителей — группы членов партии кадетов (июнь 1921 г., Петроград), дело «Петроградской боевой организации» (группа Таганцева)³⁸ и т. п.

Избегая открытого противостояния с государственными и партийными руководящими органами и отдаляя таким образом час своей кончины, Совет пытался не отступать в принципиальных вопросах. К ним принадлежало все, что относилось к осуществлению руководства высшей школой и научными учреждениями. Поэтому предметом разногласий стал Устав высшей школы («Положение о высших учебных заведениях РСФСР»), подписанный В. И. Лениным в сентябре 1921 г.³⁹ В этом документе утверждался приоритет центрального руководства в формировании руководящего и преподавательского состава высших учебных заведений. Сохранялась лишь видимость участия профессуры в этом процессе. Правление вуза (3—5 человек) назначалось Главпрофобром из числа кандидатов, представленных профессорами, преподавателями, научными работниками, студентами, а также профсоюзами, губисполкомом, губнаробразом из состава правления (участвовать в его формировании, очевидно, профессура почти не имела реальных шансов). Право назначать ректора предоставлялось Главпрофобру.

Объединенный совет попытался убедить верховную власть в том, что новый устав, если он будет введен в действие, станет разрушителем существующей системы высшего образования. Его общее собрание 26 января 1922 г. приняло пространное постановление с подробной аргументацией. В нем признавался «нецелесообразным и недопустимым» способ решения актуальных проблем, касающихся высшей школы. Постановление напоминало, что на московской

³⁶ ГАРФ. ф. ВО. Оп. 5. Д. 1044. Л. 37.

³⁷ В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979. С. 183.

³⁸ В. И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917—1922 гг.). М., 1987. С. 428—429, 452—453.

³⁹ Народное просвещение. 1921. №87—88. С. 27—29.

конференции ректоров (июнь—июль 1921 г.) не были учтены предложения выборных ректоров, отражающие позиции профессорских коллегий. По мнению Объединенного совета, в новом «Положении» «устранены основные условия, обеспечивающие развитие и процветание научной и учебной работы высших учебных заведений», а именно: самостоятельность, «самопополнение своего состава, выборность администрации и общее руководство всей работой факультетов и советов».

В постановлении отмечалось, что «Все „Положение" построено на чисто бюрократическом принципе руководства всей жизнью высшей школы из назначаемого начальством центра (правления)», что этот «нежизненный, надуманный принцип приведет высшие учебные заведения к полному омертвлению», что «высшая школа, у которой отнято право пополнять свой состав, лишается основного жизненного нерва». Порядок назначения профессоров Государственным ученым советом осуждался, так как был основан на «слепой вере... в спасительность бюрократического способа управления». Что касается реализации лозунга расширенного привлечения в вузы трудящихся — рабочих и крестьян, то это, было сказано в постановлении, успешно может быть осуществлено самой высшей школой, опять-таки при условии ее самостоятельности.⁴⁰

Объединенный совет, указав, что у «Положения» есть «отрицательные стороны», предлагал все же назначенным сверху кандидатам «взять на себя тяжелое бремя управления высшей школой» при условии, что они действительно смогут управлять. Конечно, имелось в виду, что они не будут во всем простыми исполнителями воли назначившего их начальства. Совет полагал это возможным при условии, что ректор и большинство правления назначены из «кандидатов, представленных профессорами и преподавательскими коллегиями».⁴¹ В марте—апреле 1922 г. на заседаниях правления Объединенного совета неоднократно выражалось неодобрение действий правительства в отношении высшей школы, высказывалось мнение о неминуемых пагубных последствиях не только для системы высшего образования, но и для отечественной культуры в целом.

Ответом на эти (и другие) возражения по поводу нового Устава высшей школы было принятие в июле 1921 г., новой его редакции, подписанной заместителем председателя СНК А. Д. Цюрупой. Основной текст остался прежним, но были внесены некоторые изменения. Из Устава 1922 г. были исключены пункты о возможности присутствия в аудитории всех желающих, достигших 16 лет, и о бесплатности обучения.⁴²

Пытаясь хоть в малой степени участвовать в процессе формирования руководящих органов высшей школы, Совет препятствовал укреплению всестороннего государственного руководства, орудием которого в данном случае выступал Наркомпрос, поддерживаемый партийным аппаратом, стремившимся нейтрализовать политически активную интеллигенцию посредством планомерного ее расслоения. Для этого разрабатывались разнообразные организационные меры, в их числе — дифференцированное продовольственное снабжение,

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 217—218.

⁴¹ Народное просвещение. 1922. № 108—109. С. 27—29.

⁴² Там же. С. 30—32.

создание и всяческое поощрение образований, старательно поддерживавших идейную платформу советской власти, например обществ красной профессуры и левой профессуры, научного общества марксистов. Подобные меры были рассчитаны на подавление попыток интеллигенции сохранить свою независимость от официальных государственных и партийных структур. Негативное отношение к интеллигенции, несогласной с органами власти и руководством партии большевиков даже в отдельных, специальных вопросах, демонстрировала, внедряла в умы и сердца читателей официальная печать подбором фактов, их освещением и комментариями.

В роли потайной пружины, стимулировавшей публичные акции, подразумевающие дискредитацию интеллигенции, выступало Государственное политическое управление (ГПУ). В секретной докладной записке, направленной 1 июня 1922 г. руководителю ГПУ Ф. Э. Дзержинскому, особоуполномоченный Я. С. Агранов обстоятельно характеризовал деятельность, по его выражению, «антисоветской интеллигенции», «окрыленной ослаблением репрессий», сознающей свою силу «благодаря малому количеству красной профессуры» и создающей «благоприятную почву для воспитания студенчества в антикоммунистическом духе». Автор записки выделял два направления «контрреволюционной работы» в высших учебных заведениях: <а) борьба за «автономию» высшей школы; б) улучшение материального положения профессуры и студенчества>. Я. С. Агранов требовал «принятия ряда решительных мероприятий по прекращению и предупреждению контрреволюционных выступлений профессуры», с тем чтобы «предотвратить возможные политические осложнения».⁴³ Очевидно, одним из таких «мероприятий» было утвержденное 12 июня 1922 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о порядке регистрации этих объединений».⁴⁴ Регистрация всех обществ и союзов была поручена НКВД.

Крупнейшей акцией, знаменовавшей дальнейшую полную невозможность равноправного диалога между органами власти и независимой интеллигенцией, была высылка из страны в августе 1922 г. большой группы видных ученых — историков, философов, социологов. Они были официально поставлены перед дилеммой: немедленный отъезд или лишение свободы. (Арест не был пустой угрозой: тогда же Всероссийская конференция РКП(б) рекомендовала параллельно с использованием интеллигенции в хозяйственной, преподавательской и другой работе применение в отношении ее репрессий, если это диктовалось «революционной целесообразностью».)⁴⁵ Одновременно ликвидировались организации и издания, бывшие для ученых трибуной устных и печатных выступлений, дававшие возможность публиковать теоретические работы о проблемах политики, экономики, социологии, перспективах общественного развития. Летом 1922 г. петроградский губком партии постановил закрыть журналы «Мысль» и «Экономист», затем обратил свое внимание на деятельность Домов литераторов, ученых и искусств. «Красная газета» назвала их врагами, к работе

⁴³ Вестник Российской академии наук. 1966. Т. 66. № 10. С. 927—929.

⁴⁴ СУ РСФСР. 1922. №40. Ст. 477.

⁴⁵ В. И. Ленин, КПСС об интеллигенции. М., 1979. С. 100.

которых «рабочее правительство зорко присматривалось», и вот теперь их час настал.⁴⁶ Первым закрыли Дом литераторов, его «Красная газета» назвала «паразитической и контрреволюционной организацией».⁴⁷ Другие творческие учреждения были на очереди. По поводу этих «других» было позволено публично высказаться профессору Н. А. Гредескулу, истово служившему новой власти: «...у нас в Петрограде в течение всего прошлого года не был закрыт Объединенный совет высших учебных заведений, который был настоящим правительством «автономного» государства высшей школы...».⁴⁸

Во второй половине 1922 г. стало ясно, что полное и окончательное запрещение не санкционированных государством или хоть в малой степени проявлявших стремление к самостоятельности союзов, обществ, изданий, объединений — лишь вопрос времени. Причем недолгого времени, ибо все еще сохранявшая свою внутреннюю независимость интеллигенция (в первую очередь — ее высшие слои: ученые, профессора и преподаватели), невзирая на недвусмысленные грозные предупреждения властей, не оставляла попыток не на словах, а на деле отстаивать высокие принципы морали, профессиональной этики, представления об основах развития науки и образования. Таковыми попытками были, в частности, известные забастовки профессоров 1922 г., протестующих против неограниченного подчинения высшей школы центральной власти.

Правила создания и функционирования общественных объединений были определены принятым 3 августа 1922 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними».⁴⁹ Постановление предписывало в обязательном порядке все общества (кроме профсоюзов!) регистрировать в НКВД с представлением своего устава, протокола собрания о создании общества, списков членов-учредителей, составленных по определенной форме; общества и союзы, не зарегистрировавшиеся в течение двух недель после опубликования этого Постановления, объявлялись закрытыми.

Неравная борьба государственных органов, не только высших, но и местных, партийного и профсоюзного руководства против объединений, сформированных по инициативе ученых, борьба, проводившаяся под лозунгом распространения диктатуры пролетариата не только на экономику, политику, идеологию, но и на все, без исключения, области науки и просвещения, завершилась в 1922 г. полным прекращением деятельности этих объединений. Напрасны, безрезультатны были устные и печатные обращения деятелей науки и образования к органам власти и широкой общественности в защиту свободы науки и преподавания, против всеобщей экономической, умственной, нравственной деградации. Ответом на эту аргументацию было ужесточение партийного государственного руководства и контроля во всех сферах общественной жизни. Объединенный совет, пытавшийся утвердить иные принципы взаимоотношений общественности и государственной власти, как и другие подобные структуры, прекратил свое существование.

⁴⁶ Красная газета. 1922. 15 окт.

⁴⁷ Там же. 15 нояб.

⁴⁸ Там же. 9 нояб.

⁴⁹ СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622